

Уллин Плейс

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СОЗНАНИЕ ПРОЦЕССОМ В ГОЛОВНОМ МОЗГЕ?*

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-193-203.

Убежденность в том, что существует отдельный класс событий, а именно ментальные события, которые не могут быть описаны в терминах физических наук, уже не имеет ранее присущей ему всеобщей и безоговорочной поддержки философов и психологов. Однако современный физикализм, в отличие от материализма XVII и XVIII веков, является бихевиористским. С точки зрения современного физикализма сознание представляет собой особый тип поведения, которое Толман (Tolman, 1932: 206) называет «пробующим» (sampling) или «проигрывающим варианты» (running-back-and-forth), или, иначе, оно представляет собой определенную поведенческую диспозицию. Примером поведенческой диспозиции может служить зуд, представляющий собой временную предрасположенность организма почесаться. В случае с когнитивными концептами, такими как «знание», «убеждение», «понимание» и «память», и концептами, подразумевающими волю, такими как «желание» и «намерение», кажется, не может быть сомнений, что анализ в терминах поведенческих диспозиций (Ryle, 1949; Wittgenstein, 1953) является верным. С другой стороны, представляется, что после такого анализа остается далее непросяняемый набор понятий, связанных с сознанием, опытом, ощущением, воображением, где не избежать той или иной истории о внутреннем мире (Place, 1954). Возможно, конечно, что удовлетворительное бихевиористское объяснение оставшихся понятий в конце концов будет найдено. Однако для наших нынешних целей я предположу, что такого объяснения быть не может, и что утверждения о болях и недомоганиях, о том, как что-то выглядит, как

* © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Перевод: © М. А. Секацкая. Оригинал: Place U. T. Is Consciousness a Brain Process? // British Journal of Psychology. — 1956. — Vol. 47, no. 1. — P. 44–50. Работа осуществлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК П857 от 18.08.2009 г.

оно звучит и как воспринимается на ощупь, о том, как оно рисуется во сне или предстает перед умственным взором, суть утверждения, указывающие на события или процессы, являющиеся внутренними для того индивидуума, о котором они высказываются. Вопрос, к которому я хочу обратиться, заключается в том, действительно ли мы, приняв это допущение, оказываемся перед необходимостью занять дуалистическую позицию и утверждать, что ощущения и ментальные образы составляют отдельную категорию процессов, не сводимых к физическим и физиологическим процессам, с которыми они, как мы знаем, находятся в корреляции. Я постараюсь доказать, что допущение существования внутренних процессов не влечет за собой дуализма, и что тезис о том, что сознание представляет собой процесс в головном мозге, не может быть отвергнут на чисто логических основаниях.

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ КОМПОЗИЦИИ

Я сразу хочу подчеркнуть: доказывая тезис о том, что сознание представляет собой процесс в головном мозге, я не имею в виду, что, когда мы описываем наши сны, фантазии и ощущения, мы говорим о процессах в мозге. То есть я не утверждаю, что высказывания об ощущениях и ментальных образах могут быть редуцированы к или проанализированы при помощи утверждений о процессах в мозге, подобно тому как «когнитивные утверждения» могут быть проанализированы при помощи утверждений о поведении. Сказать, что утверждения о сознании суть утверждения о процессах в мозге — значит сказать очевидную ложь. Это доказывается:

- (а) тем фактом, что вы можете описывать ваши ощущения и ментальные образы, ничего не зная о процессах в вашем головном мозге и даже о том, что такие процессы вообще существуют;
- (б) тем фактом, что утверждения о чем-либо сознании и утверждения о процессах в его мозге удостоверяются совершенно по-разному;
- (с) тем фактом, что нет ничего внутренне противоречивого в утверждении «Икс ощущает боль, но в его мозге ничего не происходит».

Я хочу доказать, однако, что утверждение «сознание есть процесс в головном мозге», хотя и не является с необходимостью истинным, не является с необходимостью ложным. «Сознание есть процесс в головном мозге», с моей точки зрения, не самопротиворечиво и не самоочевидно: это рациональная научная гипотеза, подобно тому как рациональной

научной гипотезой является утверждение «молния есть движение электрических зарядов».

Практически общепринятое мнение о том, что утверждение тождества между сознанием и мозговыми процессами может быть отвергнуто на чисто логических основаниях, происходит, как я подозреваю, от неспособности различить отождествление определения и отождествление композиции (the “is” of definition and the “is” of composition). Различие, которое я имею в виду — это различие между функцией слова «есть» в предложениях вроде «квадрат есть равносторонний прямоугольник», «красный есть цвет» (red is a color)¹ или «понимание инструкции есть способность действовать адекватно сложившимся обстоятельствам» и его функцией в предложениях вроде «его стол есть старый ящик», «ее шляпа есть пучок соломы, связанной веревкой», «облако есть масса капель воды или иных частиц, пребывающих в состоянии взвеси». У этих двух типов употребления слова «есть» имеется объединяющая их черта. В обоих случаях имеет смысл добавить уточнение «и ничто иное». Этим они отличаются от утверждений, в которых «есть» используется для предикации². Не имеют смысла отождествления «Тоби (есть) восьмидесятилетний, и ничто иное», «Ее шляпа (есть) красная, и ничто иное», «Жирафы (есть) высокие и ничто иное». Эта объединяющая два типа высказываний логическая черта состоит в том, что и в одном, и в другом случае грамматический субъект и грамматический предикат представляют собой выражения, дающие адекватную характеристику состояния дел, на которое они оба указывают.

С другой точки зрения, однако, эти две группы высказываний совершенно различны. Утверждения вроде «квадрат есть равносторонний прямоугольник» суть необходимые утверждения, истинные по определению. С другой стороны, утверждения вроде «его стол есть старый ящик» являются случайными, и они могут быть удостоверены только при помощи наблюдения. В случаях утверждений, подобных «квадрат

¹В русском языке глагол «есть» обычно опускается или заменяется на указательное местоимение «это», в связи с чем более естественно звучит фраза «красный — это цвет», а не «красный есть цвет», но оба варианта грамматически допустимы, в связи с чем я перевожу is как «есть» во всех приводимых Плейсом примерах отождествления композиции и определения. — *Прим. переводчика.*

²В русском языке в случае того, что Плейс называет отождествлением предикации, слова «есть» или «это [есть]» обычно опускаются, тогда как английская грамматика требует их обязательного присутствия. В связи с этим перевод приводимых Плейсом примеров отождествления предикации на русский язык выглядит неестественно, но позволяет, я надеюсь, понять мысль автора. — *Прим. переводчика.*

есть равносторонний прямоугольник» и «красный есть цвет» существует отношение между значением выражения, являющегося грамматическим предикатом, и значением выражения, являющегося грамматическим субъектом — такое, что, когда применим субъект выражения, тогда же должен быть применим и предикат. Если вы можете описать нечто как красное, то вы можете описать его также как имеющее цвет. С другой стороны, в случае с выражениями вроде «его стол есть старый ящик» такого отношения между выражениями «его стол» и «старый ящик» нет. Тот факт, что оба эти выражения применимы одновременно и дают описание одного и того же объекта, является случайным. Те, кто считает, что высказывание «Сознание есть процесс в головном мозге» является логически неприемлемым, основывают свое утверждение, как мне кажется, на ложном предположении о том, что если значение двух выражений различно и не связано друг с другом, то они оба не могут представлять собой адекватную характеристику одного и того же объекта или состояния дел: если что-то есть сознание, то оно не может быть процессом в мозге, так как нет противоречия в утверждении о том, что кто-то чувствует боль, но в его голове ничего не происходит. Но если бы эта логика была верной, мы бы точно также должны были заключить, что стол не может быть старым ящиком, так как нет ничего противоречивого в том, что у кого-то может наличествовать стол и отсутствовать старый ящик.

ЛОГИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ ВЫРАЖЕНИЙ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ СУЩНОСТЕЙ

Существует, конечно, важное различие между случаем стола/ящика и сознания/процесса в мозге. «Его стол — это старый ящик» — это частное утверждение, применимое к конкретному случаю, тогда как «сознание есть процесс в головном мозге» — всеобщее высказывание, применимое ко всем случаям сознания. Но вполне ясно, как мне кажется, что если бы мы жили в мире, в котором все столы были бы ящиками, понятия «стол» и «ящик» не имели бы того независимого статуса, который они сейчас имеют. В этом мире стол был бы видом ящика, подобно тому как красный является видом цвета. Представляется, что это правило языка: когда некий вид объектов или состояний дел описывается двумя характеристиками, одна из которых уникальна для этого типа объектов/состояний дел, то выражение, используемое для указания на ту из характеристик, которая определяет этот объект, также будет указывать и на другую характеристику. Если бы это правило не допускало

исключений, то тогда любое выражение, являющееся логически независимым от выражения, указывающего на уникальную характеристику объекта, должно было бы указывать на такую характеристику объекта, которая не связана с ним необходимым образом. Именно потому, что это правило применяется почти универсально, я полагаю, мы обычно можем аргументировать от логической независимости двух выражений к онтологической независимости двух сущностей. Это правило обосновывает аргумент о нетождественности сознания и мозга, и оно же объясняет тот странный феномен, что люди зачастую спорят о фундаментальном устройстве мира, опираясь исключительно на логику.

Но в случае с сознанием/процессом в мозге это правило неприменимо, потому что это один из тех редких случаев, в которых неприменимо описанное выше правило. Я полагаю, что исключения из этого правила могут быть обнаружены в тех случаях, когда наблюдения, необходимые для того, чтобы установить наличие у объекта двух различных характеристик, не могут или редко могут быть произведены одновременно. Другой пример подобного рода — это случай с облаком и массой взвешенных водяных частиц. Облако есть большая полупрозрачная пушистая масса в воздухе, чьи очертания постоянно калейдоскопически меняются. Но если наблюдать его вблизи, то мы увидим, что оно состоит из огромного количества крошечных водяных частиц, пребывающих в непрерывном движении. На основании второго наблюдения мы заключаем, что облако есть масса водяных частиц, и ничто иное. Но в нашем языке нет логической связи между облаком и крошечными водяными частицами, и нет ничего самопротиворечивого в разговоре об облаке, которое не состоит из крошечных водяных частиц. Нет также и противоречия в предположении о том, что облако состоит из плотной массы волокнистой ткани — напротив, это вполне совместимо с теми функциями, которые облака выполняют в различных сказках и мифах. Поэтому ясно, что слова «облако» и «масса водяных частиц во взвешенном состоянии» имеют разное значение. Но мы не заключаем из этого, что должны существовать две разные вещи: «облако» и «масса водяных частиц». Причина этого, как мне кажется, в том, что хотя характеристики того, что является облаком, и того, что является массой водяных частиц во взвешенном состоянии, неразрывно связаны между собой, мы никогда не осуществляем в одно и то же время наблюдения, необходимые для того, чтобы удостовериться утверждение «это облако», и наблюдения, необходимые для того, чтобы удостовериться утверждение «это масса водяных частиц во взвешенном состоянии». Мы можем

наблюдать микроструктуру облака только тогда, когда мы находимся внутри него — условие, не позволяющее нам одновременно наблюдать те его характеристики, которые при наблюдении издали приводят к тому, что мы описываем его как облако. В самом деле, эти два типа ощущений настолько различны, что мы используем два разных слова для их описания. То, что является облаком, когда мы наблюдаем его издали, становится туманом, когда мы оказываемся внутри.

КОГДА ДВА ТИПА НАБЛЮДЕНИЙ ЯВЛЯЮТСЯ
НАБЛЮДЕНИЯМИ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ СОБЫТИЯ?

Пример облака был использован потому, что это один из немногих примеров универсального высказывания, в котором используется отождествление композиции, но который, тем не менее, понятен без обращения к тонкостям научного описания. Он полезен, поскольку показывает связь между обычными повседневными случаями отождествления композиции, подобными случаю стола/ящика, и более научными примерами, подобными отождествлению молнии и движения электрических зарядов, где аналогия со случаем сознание/процесс в головном мозге наиболее очевидна. Ограниченность примера с облаком/массой водяных частиц в том, что он недостаточно проясняет проблему обнаружения того, что два выражения указывают на одно и то же положение дел. В случае с облаком/массой водяных частиц тот факт, что нечто является облаком, и что оно же является массой водяных частиц, устанавливается при помощи обычного зрительного наблюдения. Возможно даже существенной здесь является непрерывность процесса наблюдений издали и вблизи. В случае с сознанием/процессом в мозге это не так: более детальная интроспекция не позволит нам увидеть электрические импульсы в нейронах, в отличие от того как более детальное наблюдение облака позволит обнаружить массу взвешенных водяных частиц. Операции, необходимые для того, чтобы удостоверить утверждения о сознании, и операции, необходимые для того, чтобы удостоверить утверждения о мозговых процессах, принципиально различны.

Для того, чтобы обнаружить сходные в этом отношении случаи, мы должны рассмотреть примеры утверждения тождества между чем-то таким, наличие чего удостоверяется при помощи обычного наблюдения, и таким, наличие чего устанавливается посредством специальных научных процедур. С этой целью я выбрал пример отождествления молнии с движением электрических зарядов. Как и в случае с сознанием, неважно, насколько внимательно мы наблюдаем молнию — мы

не увидим электрических зарядов. Наблюдения, необходимые для того, чтобы установить наличие электрических зарядов, принципиально отличны от наблюдений, необходимых для того, что обнаружить наличие молнии. Что же позволяет нам сказать, что эти две серии наблюдений суть наблюдения одного и того же события? Это не может быть просто тот факт, что две серии наблюдений систематически коррелируют таким образом, что каждый раз, когда есть молния, есть и движение электрических зарядов. Существуют бесчисленные случаи таких корреляций, в которых у нас не возникает искушения сказать, что две серии наблюдений суть наблюдения одного и того же события. Например, существует систематическая корреляция между фазами Луны и движением приливов, но это не приводит нас к утверждению о том, что записи о высоте приливов суть записи о фазах Луны, и наоборот. Скорее мы говорим о причинной связи между двумя независимыми событиями или процессами.

Ответ, как представляется, заключается в том, что две серии наблюдений являются наблюдениями одного и того же события, когда техническое научное наблюдение, помещенное в широкий теоретический контекст, представляет собой непосредственное объяснение наблюдения, сделанного человеком с улицы. Таким образом, мы заключаем, что молния есть ни что иное, как движение электрических зарядов, потому, что мы знаем, что движение электрических зарядов в атмосфере, которое происходит, когда наблюдается молния, приводит к возникновению такого рода визуальной стимуляции, которая ведет к тому, что наблюдатель сообщает о вспышке молнии. С другой стороны, в случае с Луной/приливами нет прямой каузальной связи между фазами Луны и наблюдениями, сделанными человеком, который измеряет высоту приливов. Каузальная связь в данном случае есть между Луной и приливами, а не между Луной и измерением приливов.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ИНТРОСПЕКЦИИ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Если это объяснение верно, то для установления тождественности сознания и определенных процессов в головном мозге необходимо показать, каким образом субъективные интроспективные сообщения могут быть объяснены при помощи процессов, которые, как мы знаем, происходят в головном мозге. В свете этого соображения весьма интересным представляется следующее наблюдение: когда физиолог, а не философ, обнаруживает трудности в том, чтобы объяснить, как сознание

может быть процессом в мозге, беспокоит его вовсе не предполагаемая самопротиворечивость подобного подхода, но кажущаяся невозможность объяснить при помощи известных свойств центральной нервной системы сообщения субъекта о процессах в его сознании. Сэр Чарльз Шеррингтон сформулировал эту проблему следующим образом:

Цепь событий, начинающаяся в тот момент, когда солнечное излучение попадает в глаз и ведет, с одной стороны, к сужению зрачка, и, с другой стороны, к электрическим изменениям в коре головного мозга, представляет собой прямую последовательность физической «каузальности», понятную благодаря науке. Но за реакциями в коре головного мозга следует вторая цепь последовательности событий, которые непонятны нам ни сами по себе, ни в отношении того, каковы каузальные связи между ними и тем, что им предшествует. Здесь наука не может нам помочь, ведь эта серия событий кажется несоизмеримой с любым из тех событий, которые приводят к ее возникновению. Личность (self) «видит» солнце, она ощущает яркость двумерного диска, расположенного в «небе», представляющем собой поле меньшей яркости, нечто вроде плоского купола, покрывающего как саму личность, так и сотню других визуально воспринимаемых объектов. Нет и намек на то, что все это находится внутри головы. Зрение насыщено этим странным свойством, называемым «проекцией» — принимаемым без возражений выводом о том, что все, что «личность» видит, находится на «расстоянии» от нее. Достаточно было сказано для того, чтобы подчеркнуть, что в этой последовательности событий обнаруживается такая стадия, когда физическая ситуация в мозге приводит к психической ситуации, в которой, однако, не содержится и намек на мозг или иные части тела... Вероятно, следует предположить, что существуют две непрерывные серии событий, одна — физико-химическая, а другая — психическая, которые временами взаимодействуют друг с другом (Sherrington, 1947: XX–XXI).

Подобно тому как физиолог, скорее всего, не будет впечатлен утверждением философа о том, что в предположении о тождестве сознания и головного мозга скрывается внутреннее противоречие, так же и философ, скорее всего, не будет впечатлен теми соображениями, которые привели Шеррингтона к утверждению о том, что существуют две серии событий, одна — физико-химическая, а другая — психическая. Несмотря на всю свою эмоциональную убедительность, аргумент Шеррингтона основывается на достаточно простой логической ошибке, которую, к сожалению, слишком часто допускают психологи и физиологи, и которую в прошлом нередко допускали и сами философы. Эта логическая ошибка, которую я буду называть феноменологическим заблуждением, заключается в предположении, что когда субъект описывает свой

опыт — то, как что-то выглядит, звучит и пахнет, каково оно на вкус и на ощупь, — он описывает буквальные качества объектов, присутствующих на чем-то вроде внутреннего кинотеатра или телевизионного экрана, который в современной психологической литературе именуют «феноменальным полем». Если мы предположим, например, что когда субъект сообщает о наличии у него послеобраза (afterimage) зеленого, он утверждает, что внутри него находится действительно зеленый объект, то тогда, очевидно, у нас появляется сущность, которой нет места в физическом мире. В случае зеленого послеобраза нет зеленого объекта в окружающей субъекта среде, который бы соответствовал описанию, данному субъектом. Также и в его мозге нет чего-то зеленого, что могло бы возникнуть в тот момент, когда он сообщил о появлении зеленого послеобраза. Процессы в мозге вообще не представляют собой то, к чему правомерно применимо понятие цвета.

Феноменологическое заблуждение, на котором строится этот аргумент, основывается на ошибочном предположении, что, поскольку наша способность описывать вещи в своем окружении зависит от наличия у нас сознания об этих вещах, то наше описание вещей в первую очередь является описанием нашего опыта их осознания, и только вторичным, непрямым образом, является описанием объектов, о которых мы умозаключаем на основании опыта сознания. Предполагается, что, поскольку мы распознаем вещи в нашем окружении по тому, как они выглядят, звучат, пахнут, ощущаются на вкус и на ощупь, мы начинаем с описания их феноменальных качеств, т. е. вида, звука, запаха, вкуса и ощущения, которое они производят в нас, и делаем заключения об их реальных качествах, исходя из их феноменальных качеств. На самом деле имеет место обратное. Мы начинаем с того, что научаемся распознавать реальные качества вещей в нашем окружении. Конечно, мы научаемся распознавать их по виду, звуку, вкусу, запаху и на ощупь, но это не значит, что мы должны научиться описывать вид, звук, запах и вкус вещей до того, как мы сможем описывать сами вещи. В самом деле, только после того, как мы научились описывать вещи в нашем окружении, мы можем научиться описывать свое осознание этих вещей. Мы описываем сознательный опыт не в терминах мифических «феноменальных качеств», которые предположительно пребывают в мифологических «объектах» мифологического «феноменального поля», но посредством референции к реальным физическим качествам конкретных физических объектов, событий и процессов, которые обычно, хотя, возможно, и не в настоящий момент, являются причиной возникновения того типа

сознательного опыта, который мы пытаемся описать. Иными словами, когда мы описываем послеобраз как «зеленый», мы не говорим, что есть нечто, а именно послеобраз, который является зеленым; мы говорим, что у нас есть в этот момент такой тип опыта, который у нас обычно возникает, когда мы смотрим на пятно зеленого цвета, и который мы именно таким образом научились описывать.

Как только мы избавились от «феноменологического заблуждения», мы осознаем, что проблема объяснения интроспективных наблюдений в терминах мозговых процессов отнюдь не непреодолима. Мы понимаем, что ничто из того, что субъект сообщает о своем сознательном опыте на основании интроспекции, не противоречит тому, что нейрофизиолог сможет сказать о мозговых процессах, являющихся причиной того, почему субъект описывает свое окружение и осознание этого окружения в тех терминах, в которых он это делает. Когда субъект описывает свой опыт, говоря, что свет, который на самом деле неподвижен, кажется ему движущимся, все, что физиолог или психофизиолог должен сделать, чтобы объяснить интроспективные наблюдения субъекта — это показать, что процесс в головном мозге, обуславливающий то, что субъект именно так описывает свой опыт, является таким типом процесса, который обычно происходит, когда субъект наблюдает действительно движущийся объект, и который поэтому обычно является причиной того, что субъект сообщает о наличии движущегося объекта в своем окружении. Как только установлен механизм, посредством которого индивид описывает то, что происходит в его окружении, все, что требуется для объяснения способности индивида совершать интроспективные наблюдения — это объяснение его способности различать между теми случаями, когда его привычные способы описания адекватны вызывающей их ситуации, и теми случаями, когда они ей не адекватны, а также объяснение того, как и почему в случаях, когда адекватность привычных способов описания оказывается под вопросом, индивид научается предпосылать обычным описательным протоколам уточняющие фразы вроде «кажется», «такое чувство, что», «выглядит так, как будто» и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

- Place U. T.* The Concept of Heed // *British Journal of Psychology*. — 1954. — Vol. 45, no. 4. — P. 243–255.
- Place U. T.* Is Consciousness a Brain Process? // *British Journal of Psychology*. — 1956. — Vol. 47, no. 1. — P. 44–50.

- Ryle G. *The Concept of Mind*. — Chicago : University of Chicago Press, 1949.
- Sherrington C. *Integrative Action of the Nervous System*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1947.
- Tolman E. C. *Purposive Behavior in Animals and Men*. — Berkeley, Los Angeles : University of California Press, 1932.
- Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. — Oxford : Blackwell, 1953.

Place, U. T. 2018. "Yavlyayet-sya li soznaniye protsessom v golovnom mozge? [Is Consciousness a Brain Process?]" [in Russian], trans. from the English and annot. by M. A. Sekatskaya. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* II (4), 193–203.

ULLIN PLACE

IS CONSCIOUSNESS A BRAIN PROCESS?

Translation of: Place, U. T. 1956. "Is Consciousness a Brain Process?" *British Journal of Psychology* 47 (1): 44–50.

DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-4-193-203.

REFERENCES

- Place, U. T. 1954. "The Concept of Heed." *British Journal of Psychology* 45 (4): 243–255.
- . 1956. "Is Consciousness a Brain Process?" *British Journal of Psychology* 47 (1): 44–50.
- Ryle, G. 1949. *The Concept of Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
- Sherrington, Charles. 1947. *Integrative Action of the Nervous System*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tolman, E. C. 1932. *Purposive Behavior in Animals and Men*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Wittgenstein, L. 1953. *Philosophical Investigations*. Oxford: Blackwell.